18+

Дарья Мийе

ОДНОЙ ЛЕВОЙ

Дарья Мийе

Одной левой. Повесть

«Издательские решения»

Мийе Д.

Одной левой. Повесть / Д. Мийе — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Как многие дети, Дина думает, что оказалась на этой планете людей по ошибке. Она даже собрана по-другому, как бы мама ни пыталась это скрыть. Её взросление приходится на развал СССР, когда то же чувство неуместности охватывает всех. Её одноклассники, соседи, мать болезненно переживают слом эпох. А Дина прячется за библиотечными стеллажами в надежде, что её не заметит никто, даже само Время. Жизнь, однако, по-всякому скребётся в её броню и заставляет проживать все положенные возрасту испытания.

© Мийе Д.
© Издательские решения

Одной левой
Повесть

Дарья Мийе

© Дарья Мийе, 2026

ISBN 978-5-0071-6659-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ещё в младших классах Дина поняла, что ей придётся найти какое-то другое развлечение, потому что никто и никогда не полюбит её той волнующей любовью, от которой родятся дети и которую краешком можно зацепить на уроках естествознания. В восемь лет эта пилюля не показалась ей особенно горькой. Тем более на фоне маминого заявления о том, что в её случае одна только мечта о собаке может привести к отёку Квинке. Вот тут она испытала реальную колючую боль, как при укладывании на коврик Кузнецова, только внутри: ей нельзя, всегда будет нельзя и никогда не будет можно, под страхом удушья, обладать мохнатым существом, которое могло бы видеть в ней просто Дину, а не то, что видят все остальные.

Правда, когда первая волна боли сошла, Дина вспомнила, что Юлька из третьего подъезда, ставшая пару лет назад обладательницей щенка какой-то пушистой породы, да не с помойки, а с Птичьего рынка, перестала говорить о нём уже через месяц. Лохматый комок поскучнел, вытянулся в банального короткошерстного терьера и стал вызывать в детях уже не умиление, а разумные опасения за свои икры. К школе Юлькиной ежедневной фоновой задачей стало придумать повод, чтобы избежать выгуливательной повинности. Выгул собак в их дворе значил одно из двух: либо собирать тёплые вонючие колбаски листком газеты или подорожника и нести их к мусорным бакам под улюлюканье мальчишек, либо идти на лобовой конфликт с Сусанной Александровной, негласной, но громогласной блюстительницей дворовых нравов.

Так, синергическим усилием воли и разума, Дина истребила в себе детское «хочусобачку» и была очень этим горда лет до тридцати. (Взрослая Дина Витальевна, правда, иногда думала, что тогда же она случайно, инерционным движением, истребила в себе и само детство). А любовь, ну что любовь? Она вкрадывалась в Динину жизнь через легко перекрываемые лазейки — сказки Андерсена и мелодрамы с видами советского юга, которые мама смотрела по выходным.

Однако с каждой четвертью средней школы гормональный вихрь уносил одну или нескольких одноклассниц в ту страну робких взглядов и превратно истолкованных фраз, куда — Дина знала — ей хода нет. Девочек, у которых поражение мозга почти всегда предварялось россыпью угрей на ещё недавно гладких личиках, Дина сразу низводила на несколько ступеней в таблице Линнея — к бесчерепным или оболочникам, в зависимости от остроты симптомов. (Мальчики у неё не поднимались выше разряда «членистоногие», кроме Вити К. и Глеба С. — те застряли в «брюхоногих»). Таблица была напечатана на форзаце учебника биологии, и Дина долгое время считала ворон именно там.

Но когда в седьмом классе её единственная подруга Веруня, человек, как бы сказала взрослая Дина Витальевна, повышенной эмпатичности (а пожилая Дина Витальевна сказала бы «экзальтированная дура»), три раза за две перемены упомянула деграданта Верзева из девятого «В» в самых высосанных из пальца контекстах, Дина осознала, насколько одинока она в своей верховной нише *homo sapiens*.

После уроков Вера хотела пройтись за компанию до булочной, где Дина должна была встретиться с матерью, чтобы идти в поликлинику, — пусть ей это не по пути, но так хотелось упомянуть Верзева ещё хотя бы разочек! Захваченная врасплох, Дина юлила и выкручивалась в конвульсиях остаточной нежности, но всё-таки отправила подругу домой одну. Тем более, что никакая мать её у булочной не ждала. После этого Дина закрылась в туалете второго этажа, чтобы в шестнадцать-тридцать выйти оттуда другим человеком. С рукавами одинаковой длины.

***

За дверью, израненной признаниями в любви навек и в дружбе до гроба, Дина решила, что дружить ей, пожалуй, тоже не стоит. Не та у неё морфология. Со следующего утра она более не адресовала Вере ни одной фразы, кроме нейтральных и вынужденных.

— А ты это, специально рукав завернула? — спросила Вера к концу второго урока, не осознав ещё, что её лишили статуса близкой подруги и сопутствующих прав, в том числе на подобные вопросы.

Дина кивнула, не отрывая глаз от доски.

— Зачем?

Дина пожала плечами, делая вид, что поглощена уравнением, хотя решила его ещё в процессе того, как математичка его писала.

— А тебе не…

Вера многозначительно скосила глаза. Они сидели за одной партой, и к тому моменту её уже изрядно помяло градом не ей предназначенных насмешек.

— Привыкну, — ответила Дина. — Или они — привыкнут.

На следующий день, не желая подставлять тонкокожих под огонь, Дина перебралась на дальнюю парту среднего ряда. Ригидная химичка Илона Григорьевна в кои-то веки ничего не сказала по поводу этой самовольной передислокации. Ей самой, по правде говоря, проще было удерживать в голове валентности, когда Дины не было видно за нормальными учениками.

Вера опоздала к звонку, поэтому смогла подойти к подруге только после урока.

— Ты отсела?

— Да, мне отсюда лучше видно.

— У тебя же близорукость, а не дальнозоркость?

— А это меняется в подростковом возрасте.

— Так тебе стёкла новые нужны?

— Поменяю скоро.

— Ну ладно. Спрошу, можно ли и мне пересесть.

— Да не надо, — протянула Дина как будто разрешающе, но не самом деле запретительно. — Это же Илона.

На остальных уроках Дина тоже наврала про дальнозоркость, и никто не посмел ничего ей возразить. Она легко сказала бы правду, её вообще не любили именно за то, что она не к месту говорила правду, не понимая, как и почему остальные её деформируют, но просто слов у неё таких ещё не было. Не было слов, чтобы объяснить, почему соседство с Верой вдруг стало невозможно, как содержание в одной клетке двух зверьков разных видов.

***

Вера, хоть в глубине души рада была не видеть на парте пугающей культи, не понимала перемены в настроении подруги и нескоро оставила попытки восстановить прежнюю привязанность. Через пару недель обманчивого затишья она вдруг подложила Дине в пенал свою

единственную драгоценность — янтарный кулончик, который мама привезла ей из Юрмалы. «Как-нибудь съездим туда на каникулы», — сказала мама, вернувшись из командировки, на которую пришлись итоговое родительское собрание, где Веру бы очень хвалили, если б было перед кем, и отчётный концерт в музыкалке, где она пела «В юном месяце апреле».

Весь урок Дина приоткрывала пенал и разглядывала прозрачный кусок окаменевшей смолы, перехваченной серебряными витиеватостями. Она уже видела его пару раз, когда заходила к Вере в гости. В школу с украшениями было нельзя, во двор тем более, поэтому Вера надевала кулон по вечерам, делая домашние задания, а перед сном аккуратно убирала в пакетик из тиснённого картона, а его — в прикроватную тумбочку.

Дине бы тоже хотелось приходить в пустую комнату и быть сама себе хозяйкой, а потом получать за это подарки. Но Динина мама специально работала на полставки, чтобы возить её по врачам, торопливо раздевать её по их кивку и подкладывать под оценивающие взгляды и холодные инструменты. Верина же мама работала ценным специалистом, что-то там с плотинами, и её посылали на дальние рубежи родины за «завидной командировочной надбавкой». Даже когда шестилетняя Вера заболела корью накануне отъезда, это не помогло — ценный специалист позвонила другому ценному специалисту и устроила Веру в инфекционку на три недели. Выйдя из больницы день в день с концом маминой командировки, Вера всё поняла и больше не пыталась.

То есть Дина знала, что кулон значит для Веры. И Вера знала, что Дина знает. Для любой другой девочки из класса это был бы красивый и даже неуместно дорогой подарок, и только Дина понимала, что под видом украшения ей предлагалось нечто огромное и восхитительное, но не имеющее запасного выхода. (Из таких вот *engagement with exclusivity clause* взрослой Дине Витальевне пришлось повыворачиваться в следующем тысячелетии и не удалось вывернуться только в отношениях со Стокгольмским университетом.)

Дина хотела вернуть Вере её непропорциональный дар, который в глазах дарящего выглядел бесценным, а в глазах одариваемого — бесполезным. К концу урока он и вовсе стал казаться ей вместилищем зловещей силы, артефактом опасной игры, частью которой её предстояло стать. В чайных прожилках янтаря, словно колос, свёрнутый в зерне, она внезапно разглядела всю будущую Верину судьбу — выхаживать лишайного котёнка, волотёрить в ночлежках, устраивать одинокую соседку в больницу «на дожитие», выскочить замуж за детдомовца, спасать его от чёрных риэлторов, кодировать его от обиды на жизнь, отмывать его от блевотины, быть от всего этого счастливой. Стать для кого-то всем — вот чего хочет Вера. А стать всем можно только для того, у кого нет ничего своего.

Перед географией Дина подошла и так аккуратно, будто пинцетом собиралась потрогать Верино сердце, положила кулон ей на раскрытую тетрадь. На страницу — она хорошо запомнила это — в верху которой было красиво выведено и подчёркнуто двумя старательными, с нажатием, красными полосами, похожими на хирургические надрезы: «Северная Америка».

— Спасибо! Но только я вряд ли смогу его носить, — сказала она, имея в виду, что украшать в ней нечего и такой кулон на её искорёженном торсе будет смотреться, как жемчужина в коровьей лепёшке. — А тебе ещё Верзеву нравиться.

Она улыбнулась на прощанье своей половинчатой улыбкой, которая со стороны выглядела усмешкой (по крайней мере, все, кому Дина пыталась улыбнуться, думали, что она над ними издевается), и пошла на своё место.

— Уродка! — крикнула Вера в спину бывшей подруге первое в своей жизни браное слово.

И разрыдалась.

У Дины возникло чувство, будто она выпрыгнула из хитро замаскированного капкана, окорябавшись, но не потеряв ноги.

***

Маме, которая была очень встревожена схлопыванием дочкиного социального круга до нуля целых ноля десятых человека, Дина объяснила, что они у Веры теперь новые друзья и интересы. Мама ожидала, конечно, таких вот подножек от мира, но не от тонконосенькой Верочки, которую она несколько лет прикармливала печеньем с корицей и очаровывала искусно утрированной домашней атмосферой. Она хотела даже позвонить своей невидимой коллеге в нелёгком деле воспитания хороших людей — Вериной маме, и объяснить всю важность присутствия её дочки в Дининой жизни. Но Верина мама была в командировке, кажется, на Дальнем Востоке, и за девочкой присматривала соседка. Обращать к ней крик своей души Динина мама сочла неуместным.

Динину маму ведь никто специально не учил растить ребёнка-инвалида. Ей дежурно предложили сдать новорожденную на попечение государства; когда она отказалась — предложили ещё раз, уже по-человечески, «на ты» и с элементами запугивания, а когда она снова отказалась — равнодушно передали ей свёрток и с ним всю полноту ответственности. Она взяла их в охапку — свою исковерканную девочку в байковом одеяле и всё, что к ней прилагалось в будущем: массажи, уколы, распорки, электрофорез, шоколадки-коньяк-конвертики заведующей поликлиники, бассейн, ортопедические ботинки, купоны в лёгочный санаторий, шоколадки-коньяк-конвертики дамам из собеса, развивающие игры, униженные звонки забытым сокурсникам, лучший офтальмолог города, извиняющиеся улыбки, мольбы, консультации у хирурга, который оперировал саму Пугачёву, шоколадки-коньяк-конвертики…

Динина мама массу сил положила на то, чтобы выбить для дочери место в обычном детском саду, среди обычных жестоких детей и бестактных воспитателей. Чтобы никакой ущербности! Одетая в канареечные шаровары, салатного цвета пиджак, майки с аляпистыми нашивками, её Диночка везде оказывалась в центре внимания, и мама поздравляла себя с тем, что всё делает правильно. Не стыдится дочери и не прячет её. И девочка её самая красивая, самая яркая на фото детсадовской группы. Назло всем, назло чёртовым «аномалиям», обнаруженным на пятом месяце беременности.

Так Дина росла, сегодня Карлсон, завтра Пеппи Длинный Чулок, отчаянно желая слиться с толпой, но неумолимо из толпы выбиваясь. Даже в школе, где домошитые наряды пришлось сменить на форму, маме удалось выторговать для дочери некоторую свободу кроя и тёмно-синие штаны с рубашкой вместо коричневого платья в облипку. Этот рассинхрон М-формы и Ж-содержания, но всё же больше вздёрнутое левое плечико, огромные очки с диоптриями, подвернутая внутрь нога и недоразвитая правая кисть («А в рукаве и не видно!» — приговаривала мама, растачивая манжетный шов) не оставляли ей шанса пройти незамеченной. Также они оставляли ей мало шансов завести друзей, поэтому маме приходилось устраивать ей «питательную», как говорил доктор Переяслов, среду общения в ручном режиме.

Тренированным взглядом она выхватила Верочку в толпе первоклашек и аккуратно взяла в оборот. Была в этой девочке, глядящей себе под ноги, какая-то дыра, нуждающаяся в заплатке, и Динина мама собиралась это использовать. Она выяснила, что Вериной мамы часто не бывает дома, и стала приглашать девочку обедать вместе с Диной. Клёцки, борщ, щавелевый суп, щи, грибной с перловкой и в виде пюре, гороховый, свекольник, суп с лапшой и даже молочный — Динина мама готовила их все, чтобы приворожить Веру, которой во всей этой раблезианской суете больше всего нравился вопрос «Ну, подружки, как у вас прошёл день?» К середине кулинарного репертуара Дининой маме показалось, что отношения девочек вполне себе склеились, по крайней мере они начали разговаривать без её назойливого посредничества, и значит, можно не переживать, что на переменах Дина будет одна.

***

— Мам, а как ты меня завела? — спросила однажды Дина, ещё совсем маленькая, когда они шли тёмной ледовой дорогой от садика домой, сквозь синий мороз, оранжевый свет фонарей и чёрные силуэты деревьев.

— На отдыхе, — вздохнула мама, готовившаяся к этому вопросу с начала февраля, когда дети стали разучивать стихи ко Дню Защитника Отечества. — Я привезла тебя оттуда, где море, тепло и черешня с твою ладошку. Ты — мой сувенир из той счастливой поездки.

— А почему мы снова туда не поедем? — спросила Дина.

— Потому что делу время, а потехе час. Здесь у меня дом, работа, у тебя садик и врачи. А там у нас ничего и никого. И потом, разве нам здесь плохо? Вот сейчас придём домой, поставим чайник, достанем варенья, сделаем рельсы-рельсы…

Дина почувствовала на спине приятную щекотку от обещанного массажа (особенно ей нравился момент «шпалы-шпалы», когда позвонки дробились ребром маминой ладони, как тесто для тёртого пирога, и завершение, когда слон топтал высыпавшуюся из вагона пшеницу, а потом приходил дворник и успокоительно всё это безобразие подметал — тогда щекотки, совершенно как настоящие крошки, рассыпались по рёбрам). Она утонула в образах упоительного вечера и забыла, о чём действительно хотела спросить.

Мама неслышно выдохнула облачко пара, радуясь, что не придётся после трудового дня разгребать ещё и драму безотцовщины, и заговорила о приключениях тёти Зинаиды, максимально далёких от Дня Защитника Отечества и вообще от всего мужского: тётя Зинаида собиралась переклеить обои в кухне (которую Дина никогда не видела), и даже купила обои (которых не видела мама, но тётя Зинаида очень подробно ей их описала), и даже сварила клейстер из муки, но тут неожиданно выяснилось, что у неё не хватает газет на подложку, а кто же клеит обои прямо на неровную шершавую стену, и она пошла по соседям, а клейстер оставила на медленном огне, чтобы не засох — а ведь она доцент! — и пока она обсуждала с одной из соседок одну из передовиц, что-то там про очень важный и интересный партийный съезд, клейстер воспламенился, и теперь непутёвой тёте Зинаиде придётся думать уже не столько об обоях, сколько о побелке потолка и замене части кухонного гарнитура. Дина слушала, мало что понимала (тётю Зину она тоже знала только на слух), прозревала какой-то забавный сюжет, но всё же больше подпадала под шарм энергичных слов «крахмал», «штукатурка» и «передовица», и это до поры до времени уводило её от тревожных догадок о её половинчатом происхождении. Мама давно смекнула, что Дину легко заговорить, и всё чаще этим пользовалась. Потом, потом, как-нибудь потом, время ещё будет. А сегодня сил у неё осталось строго на то, чтобы разогреть ужин, проконтролировать обливание холодной водой, сделать лечебный массаж, разложить сухое бельё, помыть посуду и погладить одежду на завтра. И ни ньютоном больше.

Интересно, что именно в этом смысле — одном из немногих — Дина не выбивалась из масс, а попадала в дорогую для мамы категорию «как все». Из детсадовской группы на тридцать штук детей папа забирал одну только Ясмину, несколько раз в год заглядывал папа Нади и ещё мелькали кратковременные спутники мамы Олеся, женщины красивой, неуловимой и отягченной властью среднего уровня. Остальных забирали мамы или бабушки. Дининой маме иногда казалось, что если бы Дину забирал мужчина, да вот хотя бы тот, чей телефон и адрес она не взяла, но чьё имя вписала в графу «отчество», у кого были крепкие короткопалые руки автомеханика, загар по абрису воротничка и нездешней белизны зубы, — так вот если бы он забирал её из садика, то это подчёркивало Динины особенности куда больше, чем короткая ножка, незаметная в зимней обуви, кривая ручка, спрятанная в варежке, или попеременно заклеенные пластырем, по новейшей методике, глаза.

Мама считала Дину одновременно своими наградой и наказанием. Наградой в том смысле, что на момент появления Дины ей было уже тридцать пять, а наказанием — за то, что мечтала стать доцентом и до отхода вод работала в лаборатории с реагентами. С появлением

дочери мечты о карьерном взлёте в химических науках пришлось оставить, перейти на облегчённый график и во вторую смену осваивать новую профессию — мамы ребёнка-инвалида. Она не собиралась делить этот крест, голгофский ли, георгиевский ли, с кем-то проходным, черноморским, адлерским, путёвочным и, возможно, даже женатым.

Мама так истово сражалась за Динино тело, за то, чтобы доукомплектованные его части развивались согласно ГОСТу, а остальные к ним по мере возможностей подтягивались, что на формирование дочкиной души у неё просто не осталось сил. А может, мама думала, что развитая душа в Динином положении только помешает. А может, считала, что именно её девочке должно причитаться всё сострадание мира. Как бы то ни было, она часто путала интерес в глазах Дины с завистью и превентивно ущербляла всех, на кого дочкин взгляд был направлен. К десяти годам Дина знала, что у Ленки вон мать пьяница, у Катьки вместо мозгов кисель, ей только дворничихой работать, Витьку отец на радостях лупит в день зарплаты, а у красы двора Серёжки всё было нормально до прошлого лета, когда он на спор прыгнул с крыши гаража в заржавевший остов «запорожца». «Зато теперь у нас к армии недопуск», — радовалась сквозь слёзы тётя Вероника.

Благодаря маминым замечаниям Дина привыкла относиться к своей инвалидности, во-первых, как к относительной удаче (ведь могло поразить жизненно важные органы), во-вторых, как к искупительной жертве, которая уберегла её от чего-то гораздо более страшного или постыдного, как, например, Катькина непроходимая дурость или Серёжкина бесхребетность, чудно́ перекочевавшая из черт характера в свойства тела.

А в том, что взамен стандартного тела ей там, наверху, выдали золотые мозги и железный характер, никто не посмел бы сомневаться.

***

С тех пор, как Вера с её терзаниями о юном Верзеве стала слепой зоной в пространстве класса, Динин ум был целиком поглощен интереснейшими задачками мироздания. Дина была даже благодарна Вере за раннюю прививку от дружбы, за всё сэкономленное время, которое теперь можно будет посвятить чему-то действительно важному.

Из предметов ей милее всего были физика и биология. В первой ей нравилась дотошность, с которой описывались элементарные, на первый взгляд, движения предметного мира. Подброшенный камень может лететь вверх ровно столько, сколько частное его начальной скорости и ускорения свободного падения будет оставаться больше произведения его массы и гравитационной постоянной. И самое интересное, что при этом он всё равно будет в некотором роде падать, потому что у неодушевлённых тел в пределах гравитации нет даже опции полёта, есть только ускорение падения, иногда направленное вверх.

Мир тел одушевлённых, такой пёстрый и разнообразный в своих проявлениях, упорядочивала по царствам и отрядам биология. И там оказывалось, что полевая мышь приходится дальней родственницей дикобразу, а люди во власти эмоций неотличимы от обезьян. В этой иерархии было своё место и у рогатых жуков, у и млекопитающих рыб, и у крылатых мышей, и у нелетающих птиц. И у неё, деформированной Дины, было своё место. Ничего там не бралось из ниоткуда, даже болезни и самые бессмысленные, на первый взгляд, скопления плоти, вроде хвоста птички астрапии или лобового штыка нарвала, который средневековые авантюристы выдавали за рог единорога, были следствием чего-то и для чего-то в итоге нужны.

А вот литература, в которую с пятого класса превратилось безобидное «чтение», стала для неё настоящей мукой. В программных произведениях Дина издалека предчувствовала любовную линию и загодя впадала в уныние: ну вот, опять. А так хорошо всё начиналось! Не могут они без этого, что ли… Присутствие молоденькой женщины в списке персонажей неминуемо приводило к завихрению этой самой линии, к искажению сюжета посредством непред-

сказуемых, истерических реакций. В «Войне и мире» Дина, в отличие от одноклассниц, читала «войну», и с удвоенным вниманием — тактические расстановки войск и эпизоды из полевого госпиталя. Из школьного курса ей запомнился проходной Чернышевский, потому что его романы, в отличие от всех других, развивались от плохого к хорошему, были пропитаны логикой и трудовым оптимизмом.

В целом, Дину абсолютно выводило из себя то, что литература не утруждает себя объяснениями. То и дело увязая в бестолковых подробностях пейзажа и быта, она лишь смаковала поведенческие аномалии выдуманных существ. (За свежесть этой мысли, а также, вероятно, за слово «перцепция» в сочинении «Базаров и Аркадий — друзья или идейные враги?» Дина получила не механическую, а прочувствованную пятёрку у Тамары Васильевны, которая вошла в школьную мифологию тем, что плакала на чтениях наизусть стихов Симонова). Препарирование мерзеньких душ человеческих, которым прославилась русская литература, казалась Дине не просто лишённым всякой научной ценности, но и откровенной угрозой картезианской этике. В то время, как другие предметы пытались дисциплинировать окружающий мир и изо всех сил искали в нём закономерности, литература играючи запутывала всё обратно. Так дурной подросток одним мимоходным ударом ноги рушит городок из куличей и формочек, построенный дошколятами в песочнице. Когда в восьмом классе биология ввела в оборот понятие «гормоны», Дина стала развлекаться тем, что рассматривала программные произведения через гормональную оптику, как Белинский и Добролюбов рассматривали их сквозь оптику социал-демократическую. И получалось, что у Раскольникова не вырабатывалось достаточно серотонина, у Катерины наблюдался избыток витамина Д, а Татьяна пережила раннюю менопаузу.

Динин интерес эволюционировал вместе со школьной программой, заглатывая целиком одни её модули и выплёвывая другие, пока не сфокусировался на узком перехлёсте анатомии, эволюционной биологии, органической химии, физики небесных тел и ненавистной сентиментальной литературы — Дина увлеклась биохимией эмоций. Её совершенно поразило, что один и тот же гормон вызывает у крыс приток молока и приступ бесстрашия.

Собственное тело на тот момент представлялось ей сборищем феодов разной степени лояльности, а миссия мозга заключалась в том, чтобы собрать местечковых князьков под властью единого суверена. Абсолютизм мозга казался ей единственно возможной формой правления в ситуации, когда куда-то пёрла ноющая грудь, отовсюду лезли колючие волоски, настроение за день совершало кроличьи скачки, а кожа, кожа, которая раньше была просто бесприметной обёрточной материей, превратилась в сплошной зудящий, блестящий и болезненный фурункул. Укреплять верховную власть мозга над всеми органами, жидкостями и тканями организма — так Дина определила свою задачу на ближайшую пятилетку.

В школе об этом говорили вскользь, и её естественным образом уволокло в сторону от рекомендованного списка чтения.

***

Всё шло к тому, что районная библиотека вот-вот проиграет борьбу за квадратные метры. На цокольном этаже коричневой пятиэтажки её алчно подминали салон кожи и меха «Валентина» с одной стороны и розово-клетчатая витрина заграничного мороженого «Баскин-Роббинс» — с другой. То, что влиятельные соседи, пользуясь внезапной переориентацией экономики, до сих пор не отожрали библиотеке бока, объяснялось, вероятно, тем, что в её кулуарах скрывался пока ещё никем не обнаруженный экскалибур Южного Чертанова.

Попал он туда совершенно вопреки, когда один неожиданно разбогатевший чертановец решил загодя искупить грехи. Дух эпохи Просвещения успел его увлечь, но недостаточно, чтобы удержать от афер с госзаказом по печати учебников. Желая уравновесить это дело на

божественных весах, перед которыми он — издержки профессии! — мог предстать в любой момент, грешник подарил ближайшей библиотеке годовую подписку на несколько иностранных журналов и компьютер с матричным принтером. Этот бесценный дар долгое время оставался незамеченным, поскольку журналы были на английском, а бытовая ценность компьютера в аналоговом мире была неочевидна — им тупо никто не умел им пользоваться.

(Когда Дину Витальевну занесло в родной город на какой-то конгресс по личному приглашению президента Академии Наук, она решила навести справки о чертановском меценате. И хотя по моде тех дней «даритель предпочёл остаться неизвестным», частный детектив сумел найти в библиотечном архиве квитанцию об оплате журнальных абонементов на имя Черикова А. С. Он также выяснил место жительства и захоронения. Дина Витальевна выкроила время, чтобы съездить на Хованское кладбище. Надгробие сообщало, что Чериков Александр Савельевич прожил короткую тридцатишестилетнюю жизнь, «был товарищам товарищ, а врагам — бесстрашный бич» и скончался незадолго после того, как Дина защитила диплом. Разглядывая выгравированный в мраморе портрет, она пыталась вспомнить, не сталкивалась ли на улице с этим скуластым мужчиной, похожим одновременно на всех чертановцев и на всех шестёрок. Она уже собиралась уходить, когда Айнди-Саиб подоспел с букетом. Дина Витальевна не знала толком, что делать, и растеряно воткнула букет в завитые «ушки» ограды. Посмотрела, склонив голову на бок, и механически ущипнула одно из оранжевых соцветий. «Гелихризум, похож на хризантему, а стои́т гораздо дольше», — подсказал Айнди-Саиб из-за спины. Дина Витальевна кивнула и направилась было к выходу, но обернулась на шелест пластика — ассистент освободил цветы от обёртки, вставил их в специальное кольцо под портретом и красиво растормошил. Дина Витальевна на секунду зависла, сверяясь с внутренним файлом «как нормальные люди поступают в такой ситуации», и поручила АСу договориться с кладбищенским сторожем о ежемесячных гигиенических процедурах для заброшенной могилы. «Скажите, будем проверять», — добавила она.

Айнди-Саиб всё исполнил в лучшем виде, для верности сказав сторожу, что благодаря покойному Россия получила премию Тьюринга, «Нобеля программистов». «Косвенно, конечно, но всё же благодаря», — уточнил он, сдвинув брови. Этого нюанса сторож не понял, но могилу с тех пор убирал).

Четырнадцатилетняя Дина забрела в библиотеку в ничем не подкреплённой надежде почитать «что-нибудь про крыс», написанное доступным четырнадцатилетнему человеку языком. Их молодая биологичка, ещё не порвавшая связи с университетской средой, всё время что-то про них рассказывала. Чего только не выясняли на этих неприятных с виду животных, чей генетический материал на 99% идентичен человеческому! Особенно Дину впечатлил эксперимент Кэлхуна про то, как в райских условиях у грызунов повышается уровень агрессии и аутизма, а также у многих исчезает инстинкт продолжения рода — таким образом популяция сдерживает себя от экспонентного роста и иногда так увлекается, что вымирает.

Пока, обрадованные нежданным визитом молодёжи, библиотекарши в четыре руки перелопачивали фонды, Дина присела на краешек стула у окна с намерением как можно скорее покинуть это место. Среди многотомий Тютчевых и Толстых она чувствовала себя в западне, строгость одной библиотекарши и услужливость другой сбивали её с толку. На столике рядом так же сиротливо, как Дина за ним сидела, лежала стопка журналов. Журналы были столь очевидно нездешними, что Дина даже не подумала их раскрыть. Во-первых, они были на латинице. Всё, что окроплял собой этот гибкий, жилистый алфавит, — всё, от школьного учебника до коробки стирального порошка — обретало особую ценность. Во-вторых, верхняя обложка представляла собой произведение дегенеративного искусства буржуазных стран — пятна, разбросанные по прямоугольнику страницы без видимой логики. В-третьих, бумага. Дина потрогала её костяшкой пальца (она, в отличие от подушечки, не оставляет влажных следов) и

вспомнила словосочетание «хлопчатобумажные изделия», так поразившее её в детстве. Оно намекало, что бумагу можно носить, что есть у неё и такое далёкое от письма применение, что в хрусте свежих трусов и маечек, растягивающихся вслед за резинкой, когда она раздевается перед очередным доктором, есть что-то от шелеста переворачиваемой страницы. Потом она как-то подспудно разобралась, что между бумагой и хлопком установлены родственные отношения на основе волокнистости, словосочетание от частоты применения потеряло свою таинственность, но всё равно мысль о носкости бумаги осталась недопроработанной в её личном облаке размышлений. И вот она увидела, что бумага могла быть шелковистой, как будто немного текучей, что с тканями у неё, оказывается, гораздо более тесные связи, чем кажется на первый взгляд…

— О, кстати, правильно смотришь! — воскликнула строгая библиотекарша, вернувшись в зал со стопкой книг, среди которых были «Щелкунчик» и «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». — Как-то я сразу не подумала. Там тоже есть про крыс, только на английском.

Пользуясь разрешением ответственного лица, Дина пролистала несколько гладких журнальных страниц и действительно наткнулась на фото белой крысы с красными перчинками глаз и когтистыми лапками. «*Molecular Characterization of a Functional cDNA Encoding the Rat Substance P Receptor*» было написано рядом с ней. Дина поняла вроде бы все слова, но совсем не поняла смысла. Она полистала дальше и увидела другую крысу, серую, с толстенным хвостом. «*Holocene Mean Uplift Rates Across a Plate-Collision Boundary in Taiwan*» — тут она поняла только слово «Тайвань». На следующей крысе («*Functional Properties of Rat Brain Sodium Channels Expressed in a Somatic Cell Line*») Дина стащила с соседней полки англо-русский словарь, присела на краешек стула и просидела так до закрытия — выписывая и листая, листая и выписывая.

— Мы их на дом не даём, очень ценные экземпляры, — посетовала библиотекарша, гремя ключами: было без пятнадцати шесть.

Стопка действительно была прошита бечёвкой в левом верхнем углу возле корешков, упреждая эфемерную опасность кражи. Дина кивнула, хотя, судя не выветрившемуся со страниц горьковатому запаху, никто до неё «ценные экземпляры» не листал; но взрослые ведь постоянно вытягивают и подрезают правду. Домой она хотела взять книжку с названием «1984», подумав, что это год эксперимента, но вторая библиотекарша выхватила его из Дининых рук и страшно посмотрела на коллегу:

— С ума, Мария, сошла!

— Ты же говорила, там что-то про крыс.

— Про крыс-то про крыс, да не про тех! — зловеще прошипела вторая библиотекарша.

***

Так и получилось, что важное лето между девятым и десятым классом, а затем и совсем уж жизнеопределяющее — между десятым и одиннадцатым — Дина провела в библиотеке. За вычетом, конечно, процедурных, массажных и анализных дней, которые оставались основой её расписания. В остальные дни она получала странное, почти механическое удовольствие, расплетая косичку одного языка и переплетая её так, чтобы из абзацев начинал сочиться смысл, сначала по капельке, а потом и литься мощным потоком. Суть статей доходила до неё постольку-поскольку, оседала набором случайных знаний вроде того, что на любом долларе в Майами есть следы кокаина или что отношение к абортам мешает юридическому воссоединению ГДР и ФРГ. Но вот это преобразование одной знаковой системы в другую завораживало её совершенно.

Где-то между зимними каникулами девятого класса и циклом статей о коллайдере (японцы почему-то не хотели давать на него денег, а США настаивали и даже угрожали закры-

тием совместных научных программ), Дине открылось тайное знание «всё обо всём», которое даётся умным людям, чтобы разделить их на враждующие кланы феноменологов и генерализаторов: одни с этого памятного момента начинают искать во всём драгоценные различия, другие, наоборот, стремятся делать обобщения там, где они ещё неочевидны. Дина примкнула ко вторым.

Добротный словарь под редакцией Гальперина 1979 года выручал почти всегда, но и он сдался на публикации об иммуномодуляторах. Непонятные аббревиатуры были рассыпаны по тексту, как пороги по реке, много слов было образовано от экзотических корней. Библиотекарша Мария Георгиевна, глядя на Динины ковыляния туда-сюда к полке со словарями, рассеянно сказала: «А мой Яша по этому чего-то там переводит», — и кивнула на компьютер, стоявший в красном углу библиотеки в качестве трёхъярусной подставки под кактусы Валентины Генриховны (кактусы помогают нейтрализовать вредное излучение, прочла та в отрывном календаре).

Суккуленты не требуют частого полива, и Валентина Генриховна была очень аккуратна, это передалось ей от предков, обрусевших немцев, иначе не объяснить, как системный блок, много месяцев сосуществуя со смертельной опасностью в виде влаги, дождался-таки спасительного Дининого интереса.

Дина покосилась на компьютер, который до этого момента интриговал её не больше, чем сборник стихов Афанасия Фета.

— А можете спросить Яшу, как?

— Ой, да я не пойму ничего всё равно. Давай я лучше тебе телефон его дам, и вы сами разберётесь. Но только он занятой очень, ты его долго не отвлекай.

Потом Мария Георгиевна почему-то передумала давать Дине номер и взялась позвонить домой сама. После краткой преамбулы («да вот девочка такая, м-м-м, часто у нас бывает, интересуется грызунами и иностранными языками») Дина получила доступ к занятому сыну, голос у которого был такой, как будто он выдавливал его из себя одновременно через силу, через нос и через медную трубу, накрытую подушкой. В его исполнении даже новые ритмичные слова, вроде «слот-порт» и «дискета», звучали вяло и апатично. Однако на следующий день Дина получила эту самую дискету в руки. «С возвратом, сказал», — назидательно подняла палец Мария Георгиевна, передавая ей синий квадратик пластика с металлическим кругом посередине. Дина, почтительно приняв квадратик пинцетом из большого и указательного пальцев левой руки, понесла его к компьютеру, а Мария Георгиевна ревниво последовала за ней, как бы желая проследить, чтобы ресурсы её сына использовались должным образом, аккуратно и без перебора.

Дина плохо представляла, что нужно делать с дискетой, на которой было записано, по словам Яши, «несколько словаре-ей, в том числе техни-и-ических терминов». Она неуверенно щёлкнула включателем на нижнем ярусе ЭВМ: на экране появились голубые буквы и цифры. Машина сообщила, что что-то загружается.

— Простите, а руководство пользователя к нему какое-нибудь прилагалось? — спросила Дина нависающую над ней Марию Георгиевну.

— Прилагалось, но оно вряд ли тебе поможет.

Мария Георгиевна нагнулась куда-то под стол и выудила из бокового ящичка книжечку-инструкцию формата А5. Она была на английском. Дина взяла книжечку, подвинула к себе словарь и невозмутимо занялась привычным делом. Её карандаш бежал вдоль строк, припечатывая графитной точкой незнакомые слова. Мария Георгиевна потрясённо переводила взгляд с неё на инструкцию, с инструкции на словарь и обратно на Дину. Она, казалось, решила стоять так, пока Дина не признается с улыбкой, что это всё, конечно, шутка, никто в здравом уме не будет переводить руководство пользователя, да ещё целиком, с первых хвалебных абза-

цев. Но тут звякнул входной колокольчик, и в дверях читального зала появился кто-то «на возврат». Марии Георгиевне пришлось вернуться к работе.

Дина осталась один на один с экраном, на котором выжидательно мигал белый курсор. Смысл миганий ей предстояло понять с помощью инструкции, которую надо было перевести с помощью словаря, чтобы затем получить доступ к инструкциям по пользованию следующим незнакомым языком. Дина обнаружила себя внутри головокружительного фрактала незнания. К середине книжечки она поняла, что под словом «перепишешь» Яша имел в виду не от руки с экрана на бумагу, а с одного синего квадратика на другой, как аудиокассеты. Не отрывая глаз от книжечки, она направилась к телефону, чтобы позвонить в магазин «Электроника» и узнать, есть ли у них флоппи-диски и сколько они стоят, и на выходе из-за стеллажа столкнулась с посетителем, двигавшимся к выходу.

— Извините, — сказала она.

— Да что вы, это я, старый, виноват! Вы меня простите, барышня.

Человек собирался идти дальше, но вдруг увидел в глубине зала мерцающий экран, прежде замаскированный кактусами.

— Ой, так у вас тут и распечатать теперь можно? — спросил он. — Модернизируетесь! Я-то всё обычно у себя в институте печатаю, но раз вам принтер поставили, буду заходить.

Дина начала что-то блеять, Мария Георгиевна посмотрела на посетителя с интересом («Вот ведь… А берёт Аксёнова и «Советский спорт»), а проходящая мимо с чашкой чая Татьяна Валерьевна, заведующая, быстро сориентировалась:

— Да, вот как раз настраиваем. Пока не разобрались, но к завтра разберёмся. Приходите!

И улыбнулась радушнейшей из улыбок.

Посетитель старорежимно поклонился трём дамам в порядке убывания возраста и вышел, скользнув на прощанье дополнительным нежным взглядом по Марии Георгиевне.

Улыбка покинула лицо Татьяны Валерьевны вслед за посетителем. Заведующая подошла к компьютеру и встала в позу задумчивости.

— Умеешь с ним обращаться? — обратилась она к Дине, к которой до сих пор не обращалась никак.

— Я как раз пытаюсь понять, что к чему. Только бумага нужна и дискета вторая, без них я многого попробовать не могу.

Заведующая сходила к себе в кабинет и обратно.

— Вот деньги, купи завтра, что нужно. И чек не забудь.

***

Пару недель всё было так, как будто бы ничего не произошло. Дина продолжала переводить статьи, изредка сверяясь с электронной версией словаря, в которой оказалась удобная опция поиска по слогам и возможность переходить к словам из словосочетаний в одно нажатие клавиши, без листания страниц; вскрытая папка тонкой и острой («синтетической», назвала её Дина по аналогии с колючими кофточками) бумаги лежала возле принтера в ожидании продвинутых научных сотрудников запенсионного возраста. Но однажды заведующая библиотекой вошла в читальный зал с мороза, внутри облака пара и духов, и, переведя взгляд с Дины на папку, зависла на минуточку, совмещая маккиавелический расчёт и стягивание перчаток, а затем сказала:

— А давай-ка ты, деточка, немного поможешь нам с учётом книг в свободное от переводов время. Раз уж ты так плотно оккупировала этот ЭВМ.

— Я могу пересесть, — быстро сказала Дина. — Я вообще больше со словарём…

— Да нет, это замечательно, что машина тебе пригодилась! — тон заведующей из генеральского сразу же сделался материнским. — Но нам-то её поставили с тем, чтобы хранилище

систематизировать, а всё не было времени этим заняться. Да и у бабулек, — заведующая понизила голос и кивнула в сторону книгохранилища, хотя как минимум Мария Георгиевна была её ровесницей, — глаза уже не те. Ты сама-то видишь хорошо? — спросила она, как будто только заметила тройные туннели линз, из-за которых Динины глаза казались вдавленными вглубь лица.

— В очках нормально.

— Да, очки у нас окулисты хорошо подбирают. Так поможешь?

— Если смогу.

— Конечно сможешь, если такая умница, как ты, не сможет, то никто не сможет! Мария, Валентина, покажите девочке, с какого стеллажа опись начать, она нам таблицу сделает.

— Какую таблицу? — отозвалась из недр хранилища Мария Георгиевна.

— Таблицу! — внушительно повторила заведующая, и Дина подумала, что это прекрасная иллюстрация к использованию английского определённого артикля *the*.

— А-а! — послышалось из хранилища. — Поняла, покажу.

Так Дина оказалась втянутой в библиотечную рутину, которая оказалась ещё приятней, чем практики перевода. Если там, в виде конечной цели, маячил-таки смысл, именно для извлечения его надо было переводить фразу за ручку из одного языка в другой, то ведение электронного учёта книг никакой интеллектуальной надстройки не предполагало. Надо было просто аккуратно вносить в таблицу серии букв и цифр. Длинные — индекс библиотечно-библиографической классификации, номер универсальной десятичной классификации; средние — адреса, ФИО и телефоны читателей, иногда — даты сдачи; и короткие — номер стеллажа, полки и места, количество страниц и год издания. Этой вереницей знаков кодировалась вся география, биография и форма книги. Дине казалось, что она знает про книги всё.

Сначала она поставила себе норму протоколировать по двадцать книг в день, но это было как лопать пупырышки на антистрессовой плёнке — новомодном обёрточном материале с запаянными в тончайший пластик пузырьками воздуха. Он появился в стране вместе с первыми американскими видиками и тут же стал фетишем младших и средних классов. Кто-то из школьных предпринимателей, вроде бы Кирилл из десятого «А», приторговывал аккуратно нарезанными квадратиками этой плёнки, его агенты с упоением лопали пузырьки в коридорах школы, окружённые завидующими малолетками.

Восторгу, которым наполняли Дину таблицы, не мешало даже то, что, как и все вещи в этом мире, компьютер не учитывал её гандикап — эктродактилию, к тому же атипичную. Клавиши были разбросаны по клавиатуре таким образом, что её левой кисти, и без того привыкшей работать за двоих, пришлось освоить пальцевые шпагаты и мизинцевые фуэте. Правая попыталась было подключиться, но ей, чтобы отрегулировать угол нажатия, приходилось задействовать всё предплечье с локтем, и всё равно сращенные пальцы нажимали сразу три клавиши вместо одной. Подрабатывал от неё только большой палец и костяшка того, что когда-нибудь, после череды операций, могло стать средним.

***

Как бы то ни было, с уверенностью можно сказать, что к пятнадцати годам Дина стала одной из первых в своём административном округе, кто освоил компьютер. Проинформированные сарафанным радио, люди из окрестных домов стали приходить к ней с вопросами и просьбами: распечатать тексты или перевести их с бумаги на экран, достать отпускные фотографии с размагниченной дискеты или скопировать «Принца Персии». Потом люди стали ездить из соседних районов. Не дожидаясь иногородних визитёров, заведующая однажды вышла из своих чертогов и, кашлянув, предложила Дине два раза в неделю во второй половине дня нести «компьютерную вахту» за четверть ставки библиотекаря.

— Просвещать население относительно новейших технологий, — пыльным голосом обрисовала она её рабочие обязанности.

Дина согласилась. Деньги ей были не нужны, зато они точно будут нужны маме — та не оставляла попыток исправить ошибку природы и если не вылечить дочку, то хотя бы немного перекомпоновать. С младенчества Дину обливали холодной водой, в четыре года её возили на месяц к алтайской травнице, в пять поили кислым раствором чайного гриба под видом «лимонадика», с шести стали укладывать на шипованный коврик, в семь закапывали по пояс в песок в каком-то приморском санатории. Возраст, к маминому сожалению, пока не позволял лечить её горячей аарсой по калмыкскому рецепту и моржеванием — по русскому. Но когда у железного занавеса стали трещать швы, маме на подмогу пришли зарубежные хилерские практики — акупунктура, массаж горячими камнями, аюрведическое питьё. Флёр иностранности делал это лечение приятным (в отличие от великорусских пиявок и упаренной мочи), а необходимость дорого за него платить заставляла видеть быстрый прогресс. «Подростковый период очень важен, всё может разъехаться… вообще к чертям», — отвечала мама на робкие Динины возражения против идеи прижигания полынью и одновременно запечатывала в пухлый конверт с копиями больничных выписок очередное обращение в далёкий НИИ.

К сожалению, ничего из этого не распрямляло Динины недоразвитые кости, хотя наверняка приносило пользу на менее заметных глазу уровнях.

Дина никогда бы не подумала признаться матери, что тело доставляет ей куда меньше хлопот, чем необходимость постоянно его лечить, катаясь в разные концы города на унизительные и болезненные манипуляции. Она помнила детство по периодам «распорочный», «корсетный», «пластинковый», как другие дети — по играм и игрушкам, которые их занимали. На ней часто присутствовали какие-то дополнительные устройства или следы от устройств, призванных скорректировать её повсеместную асимметрию. Надевать их, подкручивать и носить было отдельной работой, и Дина привыкла считать усталость частью своего темперамента.

Возможно, работа настоящая, за деньги, станет в маминых глазах достаточным основанием для небольшого послабления её безнадёжно-оздоровительного режима. Возможно, она позволит обустроить в этой жизни небольшую территорию для самой Дины, а не для её «особенностей».

Однако на новость о дочкином трудоустройстве во времена бесплановой экономики мама отреагировала совсем не так, как предполагалось. Всё её тело обвисло, будто упавший с вешалки плащ, табурет едва успел подхватить её. Даже уголки губ, уголки глаз — и те упали. Мама была первым человеком, чьи реакции Дина изучила, запротоколировала и даже пыталась предугадывать, и это оседание породы она сразу определила как «крайнюю досаду».

— Тебе что, есть нечего? — страшным голосом спросила мама, глядя в пустоту. — Я тебя плохо кормлю?

— Есть, что есть, конечно. Но ты же сама говоришь, что они всё время грозятся твою должность сократить.

— Пока ведь не сократили.

— Но могут. У нас вон полдвора взрослых уже не работает. А мне просто так предложили, разве плохо?

— Ты же школьница. Ты должна учиться, делать домашние задания!

— Мам, я и так учусь лучше всех в классе, — напомнила Дина. — Посетителей в библиотеке от силы трое в день, домашку сделать минутка найдётся.

Мама трагически молчала. Слеза собиралась в углу её левого глаза. Дина знала, что взрослые смотрят на мир сквозь очки, необъяснимо искривляющие увиденное. Любое вхождение в контакт с людьми чревато, но если резоны ровесников ей удавалось предполагать, то взрослые были «чёрными ящиками». Дина чувствовала, что ей не хватает каких-то данных, которые казались известными всем, кроме неё. Все вокруг будто решили не договаривать ей

чего-то важного, чтобы потом, за спиной, смеяться над её неуклюжими реакциями. Когда слеза вынырнула из века и, подчиняясь закону тяготения, одинаковому для слёз и камней, потекла вниз, оставляя на маминой щеке влажную тропинку, Динин ум заметался, а сама она осталась стоять посреди кухни, как соляной столб.

— Это же хорошая новость? Я думала, ты обрадуешься. Думала, будешь мной гордиться.

— Горжусь, горжусь! Тобой-то горжусь, — совсем зарыдала мама. — Я собой не горжусь, вот! Что я за мать такая!

— Ты замечательная мать, мама.

— А как же твои процедуры?

Тут Дина вытащила козырь, который заготовила, но до последнего надеялась не разыгрывать:

— А помнишь, Сергей Валентинович говорил, что есть какая-то операция по реконструкции проксимальной фаланги?

Мамины всхлипывания замедлились, она утёрла глаза рукой и посмотрела на дочку сквозь склеившиеся ресницы:

— Да-да, остеотомия. Аллотрансплантанты. Эндопротез. Но его у нас не делают, только в Израиле, — кубики у неё в голове складывались в башни. — Так мы… будем копить на остеотомию?

— Ну да! — бодро улыбнулась Дина. — Будем копить на Израиль.

***

В отличие от большинства первых пользователей, обращавшихся с ЭВМами, как с капризными божками или с пленёнными инопланетянами, Дина сразу сообразила, что у неё с машиной гораздо больше общего, чем с людьми. Примерно как у человека с крысой, только в обратную сторону.

Из полевых наблюдений, фильмов и маминых телефонных разговоров Дине открылось, что у её биологического вида есть потребность привязываться, закабаляться, впадать в зависимость и сладостно страдать от этого. В то время как сама Дина получала весь спектр удовольствий от вбивания ISBN-ов в клеточки, люди, словно расчехвостенные провода, искали возможности соприкоснуться с другими людьми. И едва соприкасались — начинали искрить, выбрасывая в пустоту блестящие столбики материализованной энергии. А потом отваливались, перегоревшие полностью или частично. На взгляд Дины, это было очень нецелесообразным расходованием калорий и джоулей, выработанных при катаболизме съеденного.

Что Дина поняла не сразу, так это то, как изворотливы люди в стремлении утилизировать блуждающую в теле энергию с помощью переживаний. Сначала она простодушно думала, что человеку и компьютеру просто нужен переводчик.

Она аккуратно проштудировала руководство по эксплуатации «Хьюлит Паккард» — этого не делал никто из самонадеянных советских пользователей, привыкших полагаться на опыт рук, а не на казённое слово. Затем принялась наращивать компетенцию в периферии — флоппах, принтерах, видео- и звукокартах, стримерах и прочих вставных и пристяжных конструкциях. Отчасти опыт доставался ей методом проб и ошибок, отчасти — из газет кустарного производства, которые появились в магазине «Радиотовары». Там же она приобрела набор дискет с мелкими служебными программами — архиватором, который сжимал данные в компактные папочки, каттером, который резал большие куски информации на куски поменьше, конвертором, который разбирал рукописный текст и превращал его в печатный. Иногда она пыталась задавать продавцам вопросы, но навыки общения были так мало тренированы что с одной, что с другой стороны, что вступить в какой-то взаимнообогащающий контакт с этими неровно выбритыми мужчинами у неё так и не получилось.

К концу четвёртого месяца работы компьютер Дина понимала уже значительно лучше, чем людей. По характеру мигания курсора могла диагностировать, где кроется проблема — в теле или в душе машины, в железе или в настройках. Тогда как на территории пауз, хмыков, выражения глаз и недоговорённых фраз она оставалась абсолютно беспомощна. Не то чтобы язык тела был сложнее английского или бэйсика, совсем нет, при желании она его легко можно было выучить. Но его носители вызывали у Дины неизъяснимое отторжение.

Место библиотечной компьютерщицы принесло много общения, к которому Дина оказалась совершенно не готова. Привычная дистанция между ней и другими сократилась до размера дискеты. Дина с неприязнью обнаружила, что взрослые люди пахнут, не промывают глаза, обсыпаются перхотью и не следят за ногтями. Ей с трудом удавалось отвлечься от этих проявлений деградирующей плоти, которые внезапно заполонили пространство. Даже во снах её преследовали слезящиеся, с жёлтыми катышками между ресницами глаза одного дедка, который приносил клавиатуру на продув. За халатное отношение к их стандартно укомплектованным телам Дина научилась извинять клиентов только к летним каникулам.

Людям тоже не особенно приятно было смотреть на Дину. Если асимметрию плеч и ног в сидячем положении скрывать было легко, то появление кисти с надутым, как капитошка, мизинчиком и сращенными безымянным и средним пальцами вызывало шок-эффект.

— Не бойтесь, это через прикосновение не передаётся, — сказала она однажды женщине в маске из растрескавшегося тонального крема, которой второпях протянула дискету не той рукой.

— Да я просто… от неожиданности, — залепетала дама губами в помадных прожилках и, взяв дискету ногтями, устремилась к выходу. — Ой! — вскликнула она, наткнувшись на угол стола. — Ай! — выдохнула она, едва не уронив распечатанные листы.

Долгие годы у Дининой правой руки был единственный смысл существования — лечебная гимнастика. Мама повторяла за каким-то врачом мантру, что очень важно сохранить живость мускулатуры и сухожилий до операции, но при этом незаметно, как ей казалось, подтягивала дочери рукавчик. К средней группе детского сада она придумала нашивать на кофты широкую полосу ткани вдоль живота: она хорошо смотрелась на спортивных блондинках из «Верены», но из Дины делала покалеченного кенгуру. К школе Дина уже сама следила за тем, чтобы манжета покрывала пальцы — это был единственный способ сделать так, чтобы люди смотрели ей в лицо.

Во втором классе, когда от них отстали с прямой осанкой и правильной позой для письма, она вдела правый рукав в карман правой штанины и закрепила его изнутри булавкой, чтобы предупредить риск случайного задирания. Булавка была хлипкой, поэтому контроль всей правой половины корпуса стал для неё фоновой задачей на шестнадцать часов в день. (Журналисты и биографы потом часто проводили параллели с тем, как Демосфен отучал себя от заикания, а психологи-популяризаторы иллюстрировали Диной Витальевной аномальное развитие левого, логического полушария мозга).

Во тьме рукава рука росла и развивалась согласно законам роста и развития всего неправильного. На свободу её выпускали только перед сном, ведь стоило маме наткнуться на культю взглядом, она сразу кидалась расспрашивать, не забывает ли Дина делать упражнения на «сохранение живости». Убранная в самодельную муфту, рука выучилась жить отдельной от тела жизнью и, вырвавшись на белый свет после памятного запирания в туалете, не сразу сообразила, что от неё требуется. Кроме как пугать учителей и провоцировать одноклассников, она казалась ни на что не годной. Разве что с геометрией стало попроще, линейку придерживать. Но если раньше Дина усилием воли заставляла кисть сидеть в рукаве, то теперь заставляла её смирно лежать на парте и не уползать в спасительный раструб.

Когда девчонки из Г-параллели попробовали дразнить обновлённую Дину, она выставила увечную кисть вперёд и пошла на дразнящих тараном. Девочки бросились врассыпную, а Дина

посмотрела исподлобья на самую визгливую и тихо сказала: «В следующий раз — трону». С того дня вокруг неё образовывался магический круг, за который школьники старались не проникать из суеверного страха заразиться уродством.

Быть центром зоны отторжения вполне устраивало Дину. Это позволяло ей наблюдать без вовлечённости. Рука исключала её из правил, общих для остальных детей, учеников, девочек и прочих групп, в которые её распределяли без спроса. По очевидным причинам она избежала болезненного переучивания из левши в правшу и школьную программу осваивала во всех смыслах одной левой. У правой руки были миссии и полномочия, кроме непосредственно ручных. Никто не ждал, что она будет что-то там прозаически брать, удерживать, нажимать или показывать. Она служила Дине для поддержания заговорённого круга.

***

— Мне сказали, тут кто-то сидит, кто в технике сечёт. У меня вот друг забарахлил.

Посетитель выложил на стол плоскую белую коробочку с дужкой, как у очков, и заозирался в поисках «человека секущего».

Дина не знала, как ответить, потому что любой ответ казался как из анекдота про «Ты перестала пить коньяк по утрам?»

— Нет здесь таких, — выдавила она наконец.

— Ну как нет? Вот комп же есть.

— Есть, — согласилась Дина.

— И кто-то же за ним работает, да?

— Да, — опять не могла отрицать Дина.

— И где же он? — теряя терпение, воскликнул посетитель.

— Это я. Я за ним… сижу, — ответила Дина после паузы, во время которой она успела подумать, что, вероятно, слишком часто мечтала сделаться невидимой.

— И всё? — с недоверием спросил посетитель. — Ты ж совсем ребёнок.

— Могу распечатать вам что-нибудь. Или дискету восстановить.

Посетитель присвистнул и сказал губами какое-то неразличимое ругательство.

— Ну ладно, — сказал он, справившись с разочарованием. — Главное, есть комп, попробуем на нём.

Дина привыкла, что как с равной с ней сразу никто не разговаривает — то из-за возраста, то из-за пола, но чаще из-за внешней ущербности, которую ошибочно проецируют на мозг. Но этот посетитель как будто не замечал её уродства — он не замечал в целом её саму. Он крутился вокруг компьютера, осматривая гнёзда и прилаживая проводки, потом спросил, где телефонная розетка. Дина поднялась спросить у Валентины Генриховны и краем глаза заметила, что лицо посетителя ничуть не изменилось при виде её кособокой походки. Валентина Генриховна розетку показала и сразу попыталась запретить её трогать, но Дина объяснила, что это нужно для проверки оборудования.

— А если будут звонить? — спросила библиотекарша, когда телефон, стоящий перед ней, жалобно пискнул и отключился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.